

ПРОМЫШЛЕННАЯ СТАТИСТИКА КНР

© 2019 г. Е. Домнич

*ДОМНИЧ Егор Леонидович, кандидат экономических наук,
Институт экономических исследований ДВО РАН, РФ, 680042 Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153
(chaosraven@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 03.12.2018.

Исследуется методология промышленной статистики КНР в маоистский, пореформенный и современный периоды. Систематизируются ее важнейшие новации, оценивается способность современной официальной статистики Китая отражать реальные макроэкономические процессы и эффекты государственной промышленной политики.

Ключевые слова: Китай, промышленность, статистика, промышленная политика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-7-32-39

Промышленность, развивающаяся опережающими темпами последние семь десятилетий, — основной драйвер экономического роста КНР. На протяжении веков в структуре обрабатывающих производств Китая доминировали ремесленные производства, основанные на ручном труде. По экспертным оценкам, их доля в ВВП страны в 1890–1950 гг. стабильно держалась на уровне 7.5%, удельный вес механизированных производств за этот же период увеличился с 0.1 до 4.3% (рассчитано по [1, р. 156, Т. с.1]. Таким образом, на момент образования КНР размер ремесленного сектора почти вдвое превышал размер сектора, охваченного механизацией.

Менее чем за 20 лет (к 1970 г.) промышленный сектор, по преимуществу обновленный и механизированный, составлял уже 17.5% относительно ВВП. В последующие десятилетия он увеличился более чем в два раза и в 2016 г. достиг 43.2% ВВП, из них 35.5% приходилось на обрабатывающие производства (рассчитано по [2]). Сегодня промышленный экспорт из КНР определяет развитие не только самой страны, но и большинства экономик Восточной Азии.

Основываясь на официальной статистике, можно подсчитать, что в 1952–2016 гг. экономика страны выросла примерно на 15 000%, тогда как промышленность — почти на 90 000% (рассчитано по [3]). Но насколько корректны такие расчеты на столь длинных временных рядах, тем более что с точки зрения структурных индикаторов в статистике промышленности Китая остается множество лакун? Промышленные предприятия страны для целей учета подразделяются на несколько категорий: городские и сельские, национальные и иностранные, обладающие независимой системой учета и не обладающие таковой. При этом точность измерения экономических индикаторов

даже в рамках каждой из перечисленных пар неодинакова.

Различают несколько основных этапов развития промышленной статистики КНР: зарождение в эпоху маоизма, трансформация в пореформенный период, адаптация к современным реалиям. Остановимся на них подробнее.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КИТАЯ

Становление китайской экономической статистики было сопряжено с преодолением многочисленных трудностей. Попытки правительства Го-миньдана создать национальную статистическую систему по образцу западной окончились полным крахом, прежде всего вследствие неспособности сформировать статистические органы низового (волостного) уровня [4, р. 48]. Задача формирования национальной статистической системы в общих чертах была решена маоистским правительством в течение I-й пятилетки 1953–1957 гг., что признается многими исследователями, в том числе и западными [4, р. 49]. Впоследствии же непоправимый урон ей нанесли Большой скачок 1958–1960 гг. и Культурная революция 1966–1976 гг.

В период Большого скачка статистика была причислена к орудиям классового боя, которое “не может быть простым отражением объективных фактов” [4, р. 49]. На практике это означало подгонку статистических данных под волюнтаристские планы руководства страны и снижение роли профессионалов в формировании массивов данных. Историческим наследием Большого скачка, продолжающим оказывать влияние на организацию промышленной статистики и сегодня, стало возникновение сельской промышленности и передача полномочий по сбору и обработке статистиче-

ского материала непрофессионалам, прежде всего местному политическому руководству. В рамках Культурной революции в 1968 г. статистическая служба была и вовсе упразднена (восстановлена в 1972 г.), а некоторые крупнейшие специалисты-статистики просто бесследно исчезли [1, p. 139].

Несмотря на множество разгромных публикаций об экономической статистике в маоистском Китае, некоторые независимые эксперты оценивали ее достаточно благожелательно. Они, в частности, отмечали позитивные изменения, происшедшие после экономического и статистического фиаско Большого скачка, считая, что прямые фальсификации первичных данных в новых условиях маловероятны [5, 6]. По завершении Культурной революции авторитетный китаевед Т. Равски и вовсе заявил, что “большинство иностранных специалистов теперь согласны с тем, что статистическая информация, публикуемая в китайских источниках, является достаточно точной и достоверной, чтобы стать основой для дальнейших исследований” [7, p. 440].

С выходом первого статистического ежегодника Китая в 1982 г. начинается регулярная публикация данных официальной статистики КНР, равно как и полноценная научная дискуссия об их достоверности. И вновь стали высказываться мнения о том, что “... китайская официальная статистика честна” и “официальные данные о доходах и потреблении достаточно точны для использования в эконометрическом анализе” и даже о том, что “по большому счету, китайские официальные статистические органы честны” [8, p. 193, 195]. Во внутреннем отчете Всемирного банка за 1992 г. китайская статистика была признана в целом достоверной [9, p. 30].

Однако уже в конце 1980-х годов независимые исследователи пришли к выводу о наличии в официальной статистике КНР многочисленных пробелов и искажений. Оказалось, например, что данные по основным фондам в промышленности включают непроизводственные активы и зачастую не поддаются дефлированию, что затрудняет оценку производительности [10]. Также была выявлена неточность статистики по частным сельским предприятиям [11].

По сути, оформилось целое направление исследований, связанных с выявлением не просто особенностей, а прямых фальсификаций официальных данных. В частности, Кай Юншунь, систематизировав результаты общенациональных статистических инспекций, показал масштабы фальсификаций официальной статистики на местном уровне. Если в ходе инспекции 1989 г. было выявлено более 50 тыс. нарушений, то в 1994 и 1997 гг. — уже более 60 тыс. Многочисленные на-

рушения, в основном в форме статистических манипуляций, были зафиксированы на всех уровнях: от деревни до префектуры и даже провинции [12]. Т. Равски показал, что начиная с 1998 г. завышение реальных темпов роста в официальной статистике КНР достигло таких величин, что его уже невозможно списать на объективные технические трудности сбора и обработки данных [13]. А. Кейдель выявил несистематические расхождения между темпами ростами реального ВВП в пореформенном Китае, рассчитываемых производственным методом (на котором основаны официальные оценки) и методом конечного использования [14].

Надежных способов изобличения фальсификаций и корректировки официальных данных не существует. Например, данные об использовании различных видов энергии и выпуске отдельных видов продукции в натуральном выражении доступны только применительно к особому сегменту экономики и промышленности — предприятиям, непосредственно отчитывающимся перед органами статистики (минуя партийное, отраслевое или местное руководство) [15, p. 316]. Такая статистика непригодна для сопоставления с валовыми индикаторами выпуска и добавленной стоимости, рассчитанными для всей промышленности, поскольку описывает лишь некий сектор внутри нее.

Использование данных о грузовых перевозках в качестве инструмента двойной проверки изменения темпов выпуска и валовой добавленной стоимости (ВДС) промышленности ничем не лучше. Согласно официальным данным, общенациональные грузоперевозки застыли на одном уровне, в то время как потребление нефтепродуктов в транспортном секторе росло двузначными темпами [16, p. 370]. Такая нестыковка свидетельствует о неполноте данных, которыми оперирует статистическая служба КНР. Учитываются только грузоперевозки, осуществляемые под управлением государственных ведомств, доля которых в общенациональном грузообороте снижается.

Неточность показателей промышленной статистики КНР обусловлена и стремительным экономическим ростом, энергичным развитием промышленного комплекса и страны в целом. Быстро увеличивается число предприятий, которые ранее не учитывались традиционной (сложившейся в маоистский период) системой статистики, внедряются новые концепции учета, принимаются политические решения, активно воздействующие на организацию статистики.

В силу растущего многообразия и усложнения объектов, предмета и способов учета все острее становится проблема систематизации и обобщения данных. По мнению Т. Хсуеа и К. Ли, “из всех секторов национальной экономики Китая про-

мысленный сектор располагает наиболее удовлетворительной и полной статистикой” [17]. Иная ситуация характерна для сельского хозяйства. Т. Равски и Р. Мид оспорили официальные данные о численности рабочей силы в сельском хозяйстве, показав, что они были получены чисто арифметически как разность между показателем совокупной рабочей силы и числом занятых во всех других секторах [18]. По мнению исследователей, это привело к завышению уровня занятости в сельском хозяйстве на 100 млн человек, а значит, к искажению данных о занятости и в сельской промышленности. Кроме того, крайне ненадежны, как считает Кай Юншунь, сведения о выпуске поселково-волостных предприятий, как, впрочем, и остальная статистика по сельской местности [12]. Учитывая, что сельские предприятия и китайское село в целом справедливо считаются важнейшим ресурсом развития китайской индустрии в пореформенный период, оценка промышленной статистики как “наиболее полной и удовлетворительной” представляется чрезмерно оптимистичной.

В базы научной периодики *EconLit*, *JSTOR* и *ScienceDirect* включены 88 опубликованных за 2000–2015 гг. работ, посвященных проблемам экономической статистики КНР. В 2002–2010 гг. ежегодно выходили от 2 до 7 статей по этой тематике [19]. С 2011 г. отмечается повышение интереса исследователей к проблемам достоверности китайской статистики. При этом наиболее острая критика в адрес официальной статистики высказывается этническими китайцами, не аффилированными с государственными структурами континентального Китая, а также публикующимися в журналах с высоким импакт-фактором исследователями, активно использующими методы количественного анализа. Самые острые дискуссии сегодня ведутся по поводу оценки таких макроэкономических индикаторов, как ВВП, уровень безработицы и промышленный выпуск.

ПЕРИОД РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

В 1978 г. промышленность КНР была представлена 348 тыс. предприятий, прежде всего государственных, а сегодня их уже сотни миллионов [20, р. 145]. В ходе реформ 53 тыс. сельских коммун превратились в 1 млн деревень, где к 1985 г. были созданы 191 млн частных сельских хозяйств и примерно 12 млн сельских предприятий. Кроме того, открытие в 1979 и 1980 гг. четырех специальных экономических зон и четырнадцати прибрежных городов для иностранных инвестиций в 1984 г. способствовали быстрому росту числа предприятий с иностранным капиталом. Но большинство негосударственных предприятий не могли (либо не хотели) предоставлять статистические данные

в том же объеме и того же качества, что и государственные.

Новый комплекс проблем породил провозглашенный в 1997 г. курс на акционирование и приватизацию государственных предприятий. Государство избавлялось от небольших, убыточных и технологически отсталых производств, оставляя за собой “командные высоты” в стратегических отраслях. Закономерным стал пересмотр в 1998 г. классификатора форм собственности, где важнейшей методической новацией стало введение нескольких классов государственных предприятий.

С точки зрения отражения в статистике, все промышленные предприятия КНР сегодня делятся на два типа: с независимой системой учета (ПНСУ) и зависимой системой учета. Для понимания реальных процессов, происходящих в промышленности страны, эта, простая на первый взгляд, классификация очень важна. Национальное бюро статистики КНР на постоянной основе формирует два массива промышленной статистики: по всем промышленным предприятиям (массив А) и по ПНСУ (массив Б).

По всем предприятиям (массив А) рассчитываются только четыре макроиндикатора: число промышленных предприятий, численность рабочей силы, валовой выпуск и чистый выпуск. До 1998 г. массив А охватывал все промышленные предприятия независимо от системы учета. С 1998 г. из него были выделены промышленные предприятия с зависимой системой учета, подконтрольные непромышленным организациям. Закономерно, что аналитическая ценность и частота использования массива А при этом снизились.

Массив данных по ПНСУ содержит информацию о финансово-хозяйственной деятельности промышленных предприятий, основанную на их бухгалтерской отчетности. Для включения в массив Б промышленному предприятию недостаточно просто относиться к категории ПНСУ. До 1998 г. в этот массив попадали лишь государственные ПНСУ, поднадзорные органам власти не ниже волостного уровня. С 1998 г. критерий уровня административного подчинения был заменен размерным критерием. В результате в массив Б попали все ПНСУ, принадлежащие государству или контролируемые им, а также негосударственные ПНСУ с годовым доходом от продаж свыше 5 млн юаней. В 2005 г. был установлен новый размерный критерий: “доход от основного вида деятельности”. С 2007 г. в выборку стали включать только предприятия, чей доход от основного вида деятельности превышает 5 млн юаней независимо от формы собственности, а с 2011 г. пороговая величина дохода была повышена до 20 млн юаней.

Заметные изменения в методике учета произошли в 2004 и 2008 гг., когда отдельная выборка была скорректирована по результатам переписи предприятий. Если первоначально в отчетности за 2004 г. учитывались данные 219.463 тыс. предприятий, то после коррекции таких предприятий было уже 276.474 тыс., то есть на 26% больше. При этом валовой выпуск увеличился на 7.7%, число занятых — на 10.9%, но добавленная стоимость не подверглась коррекции. Не подверглись коррекции и данные за 1998–2003 гг. Удовлетворительного экономического объяснения этому парадоксу пока не предложено [21, р. 64]. Возможно, органы статистики обнаружили множество небольших предприятий, едва подпадающих под размерный критерий. Также необходимо иметь в виду, что далеко не все предприятия добросовестно и регулярно рассчитывают и передают данные по добавленной стоимости.

Принимая во внимание изменения в отраслевой и институциональной классификации, широте охвата данных и величине размерного критерия, можно выделить несколько периодов, когда данные по промышленности КНР, по-видимому, были собраны по единой технологии и согласованы друг с другом: 1) до 1984; 2) 1984–1992; 3) 1993–1997; 4) 1998–2003; 5) 2004–2007; 6) 2008–2010; 7) с 2011 г. по настоящее время. Однако данные массива Б обычно рассматриваются как статистическое отражение явлений и процессов, охватывающих всю китайскую промышленность. И в этом случае данные за разные годы могут быть несовместимыми, поскольку динамика доли ПНСУ в макроиндикаторах заметно различалась по отраслям.

В 1979–1992 гг. доля ПНСУ в добавленной стоимости промышленности КНР постепенно снижалась с 96 до 74%, что стало следствием, с одной стороны, ослабления экономической роли госпредприятий, с другой — утраты статистического контроля за частью национальной промышленности [22]. В переломном для статистики КНР 1993 году удельный вес ПНСУ в добавленной стоимости повысился до 93%, но уже к 1998 г. он снизился почти вдвое — до 58%. Можно предположить, что это обусловлено, помимо прочего, двумя факторами: введением налога на добавленную стоимость в рамках реформы 1994 г. и началом ступенчатой приватизации госпредприятий.

За 20 лет рыночных преобразований государство в лице Национального бюро статистики (НБС) “потеряло из виду” почти половину национальной промышленности. И если судить по динамике доли ПНСУ в добавленной стоимости, с 1999 г. государство начало своего рода реконкиту, формируя увеличивая охват выборки, формирующей массив Б. В результате к 2006 г. удельный вес

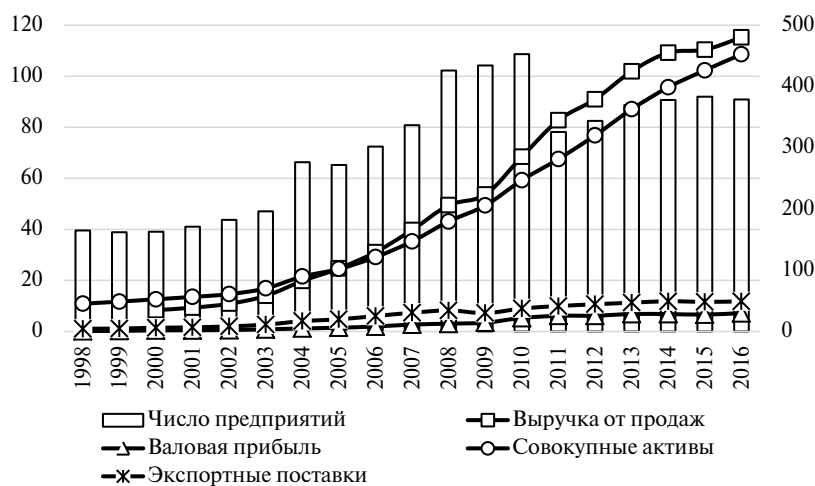
ПНСУ в добавленной стоимости национальной промышленности повысился до 99.7%, а в 2007 г. достиг парадоксальных 109.2%. Таким образом, итог по выборке оказался почти на 10% больше итога по генеральной совокупности, что противоречит логике.

Кроме того, показатель ПНСУ 95–100% в добавленной стоимости входит в противоречие с показателем ПНСУ по числу занятых. До 1993 г. на предприятиях, формирующих массив Б, было занято 63–65% совокупной рабочей силы промышленности КНР. К 2001 г. эта доля снизилась до 40%, а в 2010–2011 гг. вновь выросла до 55–58%. Получается, что некая группа предприятий обеспечивает сегодня почти 100% добавленной стоимости национальной промышленности КНР, используя при этом лишь около половины трудовых ресурсов отрасли. Какова же аналитическая ценность массива Б для отслеживания технико-экономических изменений в промышленности КНР? Отвечают ли методические новации специфике экономической ситуации в конкретный период? Для ответа на эти вопросы обратимся непосредственно к данным статистики.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

С начала четвертого этапа трансформации официальной статистики КНР (с 1998 г.) общее число ПНСУ, формирующих массив Б, в 2016 г. увеличилось в 2.3 раза — со 165.080 до 378.599 тыс. (рис. 1). Всего на этом этапе различимы как минимум четыре периода, когда заметно менялась величина выборки: 1998–2003, 2004–2007, 2008–2010 и 2011–2016 гг., а также три пиковых года таких изменений (2004, 2008 и 2011-й). В первый период среднее число предприятий составляло 173.2 тыс., во второй — 296.8. (+71.3%), в третий — 437.8 (+47.5%), наконец, в четвертый — 363.1 тыс. (–17%). Пиковое значение, достигнутое в 2010 г., — 452.9 тыс., что в 2.8 раза превышает минимальную величину выборки (162 тыс.), зафиксированную в 1999 г. По оценкам китайских исследователей, за 9 лет (1999–2007) в выборке ПНСУ присутствовали почти 550 млн предприятий, но на постоянной основе — лишь 46 тысяч [23, р. 145]. Таким образом, речь идет об огромной, но крайне несбалансированной панельной выборке.

За наблюдаемый период отмечен более чем десятикратный рост основных стоимостных показателей ПНСУ (в основных ценах) — выручка от продаж увеличилась с 7.2 до 115.2 трлн юаней, валовая прибыль — с 0.1 до 7.2, совокупные активы — с 10.9 до 108.6, экспортные поставки — с 1.1 до 11.9. При этом статистика не фиксирует резких колебаний динамики стоимостных показателей в годы радикальных изменений в методике учета.

Рис. 1. Промышленности КНР: число предприятий с независимой системой учета, тыс. ед. (правая шкала) и их важнейшие стоимостные показатели, трлн юаней (левая шкала), 1998–2016 гг.

Составлено по [3].

Значимое приращение стоимостных индикаторов ПНСУ отмечалось только в 2004 г., когда по сравнению с предыдущим годом выручка от продаж ПНСУ выросла на 41.8%, валовая прибыль — на 43.1, совокупные активы — на 27.6, экспортные поставки — на 50.3%. В 2008 г. приращение тех же показателей было не столь заметным — на 24.4; 12.5; 22.2 и 12.4% соответственно. Но даже такие впечатляющие итоги на фоне усредненных двадцатилетних трендов развития китайской промышленности выглядят достаточно тривиально.

По-настоящему нетривиальны только данные 2011 г., когда несмотря на сокращение по сравнению с предшествующим годом числа включенных в выборку ПНСУ на 28.1%, их выручка от продаж увеличилась на 20.9%, валовая прибыль — на 15.7%, совокупные активы — на 14%, экспортные поставки — на 10.8%. И это не единственный случай, когда при уменьшении числа ПНСУ стоимостные результаты их деятельности возрастали. Так, в 2005 г. число ПНСУ снизилось на 1.7% (возможно, вследствие корректировки размерного критерия), тогда как выручка от продаж выросла на 24.8%, валовая прибыль — на 24.1, совокупные активы — на 13.7, экспортные поставки — на 17.9%. Иначе говоря, оказалось, что стоимостные индикаторы деятельности ПНСУ неэластичны по числу предприятий, включенных в выборку (рис. 1).

Вопрос в том, насколько адекватно стоимостные индикаторы деятельности ПНСУ реагируют на объективные изменения условий хозяйствования, включая технологические и экономические шоки, а также — на важнейшие государственные инициативы в области промышленной политики. К примеру, финансово-экономический кризис 2008 г. привел к снижению в 2009 г. объема экспортных

поставок на 12.7% и замедлению прироста выручки от продаж, однако он не оказал существенного влияния на совокупную стоимость активов и валовую прибыль ПНСУ.

Из рассматриваемых индикаторов массива Б именно объем экспортных поставок ПНСУ может быть соотнесен с индикатором, учитываемым для всей экономики — совокупным экспортом промышленной продукции (определяется Главным таможенным управлением КНР). В 1998–2016 гг. объем экспортных поставок ПНСУ увеличился с 1.1 до 11.9 трлн юаней, тогда как совокупный промышленный экспорт — с 1.5 до 13.4 трлн (рассчитано по [3]). Таким образом, удельный вес поставок ПНСУ в совокупном промышленном экспорте вырос с 73.1 до 87.7%, что с учетом схожей динамики этих двух показателей можно интерпретировать как повышение репрезентативности данных по экспорту в рамках массива Б.

Вместе с тем относительно высокая репрезентативность данных по экспортным поставкам в рамках массива Б сама по себе не гарантирует адекватного отражения остальных индикаторов. Более надежной отчетностью по важнейшим стоимостным индикаторам ПНСУ можно считать отчетность государственных предприятий, которые должны регулярно и добросовестно заполнять соответствующие формы.

В то же время изменения в методике охвата ПНСУ тесно увязаны с новыми инициативами в области промышленной политики КНР, а значит, официальная промышленная статистика может служить наглядной иллюстрацией реализуемых мероприятий. До середины первого десятилетия 2000-х годов речь фактически шла толь-

ко о программах реструктуризации отдельных отраслей, как правило, не вполне эффективных. В 2004–2011 гг. были разработаны уже общенациональные программы развития промышленности, в общей сложности их было 43 [24, р. 3]. В этот же период Госсовет КНР отменил часть регионально-отраслевых ограничений для частных инвесторов, стимулируя дополнительный приток негосударственного капитала.

Были определены семь стратегических отраслей промышленности, которые к 2020 г. должны обеспечить 15% ВВП: энергосберегающие и природоохранные технологии, информационные технологии следующего поколения, биотехнологии, производство высокопроизводительного оборудования, новые виды энергии, новые материалы, транспортные средства на новых видах энергии [25]. Статистика ПНСУ отражает как влияние негосударственных инвестиций середины первого десятилетия 2000-х годов, так и результаты развития новых стратегических отраслей начала 2010-х. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании анализа важнейших структурных показателей промышленности КНР.

Общий ритм развития задает оборачиваемость активов, рассчитанная как отношение выручки от продаж к их совокупной стоимости. Стимулирование частного капитала, открытие ранее закрытых для него регионально-отраслевых ниш и упрощение государственной экспертизы инвестиционных проектов обусловило ускоренное развитие секторов с высокой оборачиваемостью вложенного капитала. Если в 2000 г. вложенный капитал в среднем по промышленности оборачивался лишь на 66%, то в 2011 г. он делал 1.2 оборота, то есть оборачивался вдвое быстрее (рис. 2).

Учитывая, что львиную долю промышленности КНР составляют обрабатывающие производства, включенные в длинные технологические цепочки, такой результат промышленной политики выглядит весьма впечатляюще. Увеличение эффективности использования капитала тесно связано со снижением доли государственных средств в его структуре (с 42% в 2000 г. до 16% в 2011 г.) и сокращением удельного веса убыточных предприятий (с 23 до 9% за тот же период).

Развитие новых стратегических отраслей промышленности потребовало значительных вложений государства в модернизацию национальной промышленности, по сути, долгосрочных инвестиций с неясным сроком окупаемости. Закономерно, что с 2012 г. доля государства в инвестициях начала заметно прирастать и достигла в 2016 г. 25%, в то же время оборачиваемость активов снизилась, оставаясь тем не менее выше 100%. Сохранение относительно высоких темпов развития при существенном увеличении использования государственного капитала в немалой степени обусловлено консервацией доли убыточных предприятий на уровне 10%.

Несмотря на многократное изменение состава выборки ПНСУ, средняя по стране рентабельность продаж (отношение валовой прибыли к выручке от продаж) таких предприятий остается на уровне 5–7% с начала XXI в. На этот важнейший индикатор эффективности хозяйствования не влияют также ни внешнеэкономические шоки, ни меры государственной промышленной политики. Очевидно, что как сама экономическая ситуация, так и ее отражение в статистическом учете заметно различаются в рамках отдельных товарных ниш и региональных рынков. Тем не менее даже офи-

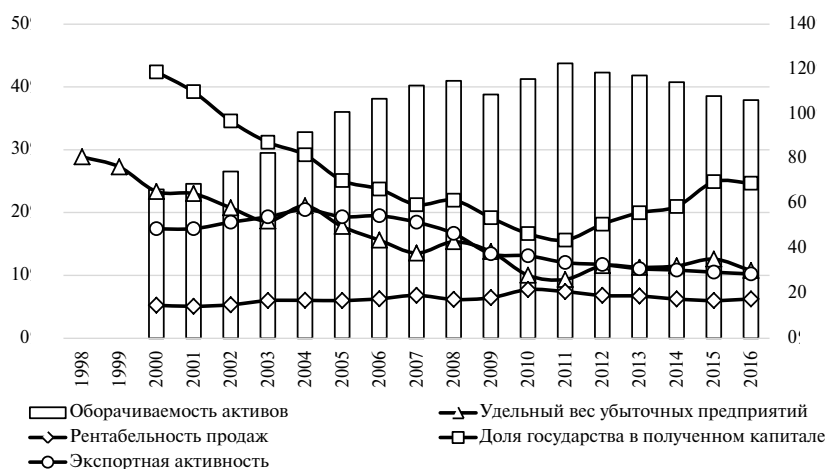

Рис. 2. Промышленность КНР: оборачиваемость активов (правая шкала) и важнейшие структурные показатели предприятий с независимой системой учета (левая шкала), 1998–2016 гг., %

Составлено по [3].

циальная статистика свидетельствует о том, что промышленность КНР остается сферой с низкой рентабельностью, привлекательность которой поддерживается главным образом государством.

* * *

История КНР свидетельствует о том, что высокие темпы технико-экономического и институционального развития могут сопровождаться утратой статистического контроля над значительной частью промышленности, а также возникновением новых проблем в методологии учета. Китайский опыт развития промышленной статистики в условиях быстро растущей экономики актуален и для других стран с транзитной экономикой.

В своем развитии промышленная статистика КНР последовательно прошла три этапа: формирование и становление национальной системы статистики в условиях жестких идеологических ограничений (1953–1970 гг.); переход на новую методологию количественного описания хозяйственно-экономической жизни в условиях системных трансформаций (начало 1980-х — конец 1990-х годов); изменение масштаба охвата данных и корректировка институциональных критериев сбора первичной информации (с 1998 г. по настоящее время). В рамках третьего этапа можно выделить как минимум четыре периода (1998–2003, 2004–2007, 2008–2010, 2011 гг.), когда радикально менялась методика наблюдения за деятельностью промышленных предприятий с независимой системой учета. В некоторых областях НБС удалось достичь значительных успехов в организации сбора и обработки данных. Например, была создана система регулярных национальных переписей и обследо-

ний, введен сезонно корректируемый показатель квартальных темпов роста ВВП и новый метод учета расходов на исследования и разработки при расчете ВВП в соответствии с международными стандартами СНС 2008 г. [19].

Вместе с тем в последние годы промышленная статистика КНР все чаще подвергается критике за отсутствие прозрачности и несогласованность данных. По мере расширения доступа пользователей к официальным данным обостряется вопрос о том, каким образом НБС собирает и рассчитывает конкретные показатели и почему даются разные оценки одного и того же показателя.

Многие эксперты приходят к выводу, что промышленная статистика КНР сегодня продолжает служить целям пропаганды экономических успехов политического режима, отдаляясь от потребностей объективной детализированной аналитики. Ключевые макроиндикаторы демонстрируют устойчивость и положительную динамику, несмотря на сильнейшие финансово-экономические потрясения и ежегодную перетасовку выборки предприятий. Благополучная статистика способствует поддержанию оптимистичных ожиданий у потенциальных инвесторов и внешнеторговых партнеров, но все чаще вызывает сомнения специалистов в достоверности официальных данных о промышленном развитии КНР. Повышение интереса к этой проблеме, наблюдаемое в последние годы, будет положительным образом сказываться как на организации промышленной статистики в стране, так и на экономико-статистических исследованиях, выполненных на ее основе.

Статья подготовлена при поддержке гранта Правительства Хабаровского края № 171/2017Д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Maddison A. *Chinese Economic Performance in the Long Run*. OECD, 2007. 200 p.
2. *UN National Accounts Main Aggregates Database*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp> (accessed 01.01.2018).
3. China statistical Yearbook. 1999, 2003, 2004, 2010, 2017 (In Chinese).
4. Orleans L. Chinese Statistics: The Impossible Dream. *The American Statistician*, 1974, vol. 28, no. 2, pp. 47-52.
5. Li Choh-Ming. *The Statistical System of Communist China*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1962. 578 p.
6. Perkins D. *Market Control and Planning in Communist China*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1966. 297 p.
7. Rawski T. On the Reliability of Chinese Economic Data: Discussion. *Journal of Development Studies*, 1976, vol. 12, no. 4, pp. 438-441.
8. Chow G. Chinese Statistics. *The American Statistician*, 1986, vol. 40, no. 3, pp. 191-196.
9. Holz C., Lin Y. Pitfalls of China's Industrial Statistics: Inconsistencies and Specifications Problems. *China Review*, 2001, vol. 1, no. 1, pp. 29-71.
10. Chen K., Jefferson G., Rawski T., Wang H., Zheng Y. New Estimates of Fixed Investment and Capital Stock for Chinese State Industry. *The China Quarterly*, 1988, no. 114, pp. 243-266.
11. Odgaard O. Inadequate and Inaccurate Chinese Statistics: The Case of Private Rural Enterprises. *China Information*, 1990, vol. 5, no. 3, pp. 29-38.
12. Cai Y. Between State and Peasant: Local Cadres and Statistical Reporting in Rural China. *China Quarterly*, 2000, no. 163, pp. 783-805.

13. Rawski T. What is Happening to China's GDP Statistics? *China Economic Review*, 2001, vol. 12, no. 4, pp. 347-354.
14. Keidel A. China's GDP Expenditure Accounts. *China Economic Review*, 2001, vol. 12, no. 4, pp. 355-367.
15. Holz C. The quality of China's GDP Statistics. *China Economic Review*, 2014, vol. 30, no. 9, pp. 309-338.
16. Huenemann R. Are China's Recent Transport Statistics Plausible? *China Economic Review*, 2001, vol. 12, no. 4, pp. 368-372.
17. Hsueh T., Li Q. *China's National Income, 1952-1995*. Boulder CO, Westview Press, 1999. 348 p.
18. Rawski T., Mead R. On the Trail of China's Phantom Farmers. *World Development*, 1998, vol. 26, no. 25, pp. 767-781.
19. Plekhanov D. Quality of China's Official Statistics: A Brief Review of Academic Perspectives. *Copenhagen Journal of Asian Studies*, 2017, vol. 35, no. 1, pp. 76-101.
20. Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. OECD, Paris, 2001. 345 p.
21. Holz C. Chinese Statistics: Classification Systems and Data Sources. *Forestry*, 2014, vol. 4489956, no. 1.17, pp. 54-86.
22. Holz C. China's Statistical System in Transition: Challenges, Data Problems, and Innovations. *Review of Income and Wealth*, 2004, vol. 50, no. 3, pp. 381-409.
23. Nie H., Jiang T., Yang R. A Review and Reflection on the Use and Abuse of Chinese Industrial Enterprises Database. *World Economy*, 2012, no. 5, pp. 142-158 (In Chinese).
24. Heilmann S., Shih L. The Rise of Industrial Policy in China, 1978-2012. *Harvard-Yenching Institute Working Paper Series*, 2013, no. 1. 26 p.
25. Holz C. Industrial Policies and the Changing Patterns of Investment in the Chinese Economy. *The China Journal*, 2018, Jul., pp. 32-49.

CHINA'S INDUSTRIAL STATISTICS

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 7, pp. 32-39)

Received 03.12.2018.

Yegor L. DOMNICH (chaosraven@yandex.ru).

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Government of Khabarovsk Territory № 171/2017Д.

Interest in the quantitative analysis of various processes and phenomena in the economy of modern China is steadily increasing. At the same time, the methodological subtleties of the collection, processing and content interpretation of the official socio-economic statistics of the PRC are not always fully taken into account. One cannot, however, agree with the view of the a priori unreliability or "corruption" of the Chinese statistical system as such, which allegedly makes any reference to official statistics inappropriate. The phenomenal speed of social transformations cannot but affect the quality of system management, including in terms of statistical support. At the same time, there is a successful experience of adequate use of official statistics of the PRC with obtaining analytically valuable results. The economic interpretation of China's official statistics faces three main challenges. First, some data may be intentionally skewed. Secondly, some data are of dubious economic value, as they are built. The third problem is the frequent redefinition of economic variables and categories of enterprises. Such adjustments are often not accompanied by a revision of the variable or category name, and such statistical fractures have occurred repeatedly in the recent history of the PRC. The resulting inconsistencies in time series data are perhaps most pronounced in industrial sector statistics. The study attempts to analyze the most important problems of the reliability of China's industrial statistics as their historical origin, consolidation and critical discussion. The methodological specificity of the three periods — Maoist, post-reform and modern in terms of collection, processing and economic interpretation of Chinese industrial statistics is revealed. The most important methodological innovations of the official industrial statistics of the PRC in the framework of the post-reform and modern periods are systematized. The adequacy of the modern official industrial statistics of China in terms of the ability to reflect the real macroeconomic processes and the effects of state industrial policy is analyzed.

Keywords: China, industrial statistics, industrial policy.

About author:

Yegor L. DOMNICH, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-7-32-39